

Ф. 79

Ор. 4.

№ 264

Архив Иванова - Раздвиниха

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Ремизов Алексей Михайлович

Стихотворения :

- I. Сотворение мира ; II. Тбилизуниса ;
III. Кихишора , IV. Бубоны , V. Кутая - Воиса ,
VI. Икета ; VII. Заклинание ветра ,
VIII Оша - Москва .

Наборная рукопись .

<1903>

19.11.

Стул.: Северные цветы ассирийские. Альманах IV. изд-ва
"Скорпион". М., 1905. С. 70-76; Прометей. 1906. №10. С. 262;
"Северный край" (Ярославль). 1903. 14 февр. №42. С. 2 ;
в новой редакции в кн.: Ремизов А. Торговля и Пасукацкие
Самые. СПб.: EOS, 1908.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Отъ вѣка темныхъ, безъ знаемья дней,
Въ хаосѣ бурь и плачѣ жизней,
Въ какомъ то дьявольски-затуманномъ вращеньѣ
Загаточныхъ свѣтилъ и дикомъ рествъ вихрей
Низримо другъ для друга томилися божества,
Два голубя, Орелъ и Енъ...
И даль безграничная, и тѣмны безформенныхъ созданій,
И гари сквиѣтивья, и тягота избытка власти,
И тоска невысказанныхъ словъ,
И сила невылитыхъ въ созвучья —
Падали афамы, тажили пытками
Впивались въ души Ена и рвали сердце,
Что воли божества ужъ наступалъ конецъ
И смерть была желанной...
Въ отчаяніи Онъ бѣшено метнулся
Въ потокъ дымящихся металловъ — огонь кипучій
И, одинокій вѣчно, вѣчно одинокаго въ полетѣ встрѣтилъ;
Весь обликъ полонъ неразгаданной, скрытой тайны,
Глаза пегальные, глаза темнѣе времени грядущихъ,
Движенья странныя, кончившіяся граней невѣдаемаго міра...

Погря восжглобь ч Ена желанье жаркое...
 И смерти гась оледенѣлся...
 Раскинулась отъ вѣтра и до вѣтра твердь синая,
 И звѣзды тихіе затеплели въ своихъ оконцахъ глазки,
 И медленно веплыла надъ зацетинившимся лѣсомъ елей
 Ухо ноги - кровавая луна - и серебро свое разлила
 По вытѣвшемся изъ камней клязгамъ,
 По алгоу застѣрчившимся потокамъ,
 По гладу рѣкъ и рѣчекъ зеркально-ясныхъ,
 А бѣлый свѣтъ - сынъ огненнаго солнца -
 Съ зарей зазолотившись, осѣтала землю алыми цвѣтами
 И взоры остѣнли ч человека и птицъ оголосило...
 Енъ видѣлъ все, и радостью бездѣрной его забилось сердце.
 Онъ поднялся на высокошата вершины горъ Брусяныхъ
 И тамъ любовно потилъ въ своемъ величьи.

Усмѣшкой горькой встрѣтила Омель творенье Ена,
 Усмѣшкой, перелившей горечь въ грѣсть гнетущую.
 Онъ вздохомъ тяжкимъ развернулъ болота топкія,
 Окрасилъ зибельною кровью мертвый мохъ,
 Загархотило, завилъ змилые лишаи,
 Агни обманно взявъ средѣ лѣса,
 Пустилъ змѣю, гервей, уродавъ, заговъ
 И воды, гашу наводнилъ своей мегтой -
 Созданьемъ лежимъ и причудливо красивымъ,

Как бреды замерзающих, но не земных.
И во гложущей тоске в тучанности и праке забился.
Когда жь морозы лютые сковали воздухъ,
Енъ разсвѣтилъ полъ-неба и плещущимъ огнемъ
Очей своихъ взглянулъ на землю...

ПОЛЕЗНИЦА.

Я из красного золота июльских лучей и жара заката вь.

Мое сердце бурливо-красное зноя рождает.

Рожня, выбыва косы, выныряя зарницы из меркнущей ночи,

Звздчнны росы сметаютъ, зрбютъ стученость рбзичю,

Заску гущиню стелютъ и герствой корою корою топорушатъ.

Полднемъ таюсь я во ржи, наливая колосья янтарию-пбвзичю.

Полднемъ таюсь...

Уфъ, гучъ захватило!

Сколько цббтнствнхъ мелькнуло головахъ...

Товорливо-звчгащяя тучка зажглась и тихо померкла...

Ненаглядные, милые!

Я не знаю, не помню рожденья, но съ здрч го заката тоскую...

тоскую...

Затопила я оти бездонною синью васильковъ моихъ мбжно-счлзущихъ,

Зарю слбжнч изю ржи, стерегу...

Иридите!

Я пошню: ярад тишь погползающихъ грозъ по огнистому небу,

Трббтры, какъ псы, языки разметали отъ жажды.

Въ испцбт, цбтплаясь руженками, гбтское тблвце юркинуло въ колосья.

А, захочуась я, мой ты, мой, дорогой!

И въ объятіяхъ снача.

Я пила его свѣла незрѣлое, чти валасъ воздухомъ гущимъ,

Это ростишь и волнуетъ желанья.

Напрасно!

Нѣтъ цтоленья, нѣтъ превращенья...

Я не знаю, не помню рожденья, но съ зари до Заката тоскую...

тоскую...

Я грючу себѣ разорвѣ, разорвѣ мои огненно-бѣлыя грючи!

О дражный Омель, о тучанность, вѣчно ввощаю непохожія,
горькія жизни!

III

КИКИМОРА

На пѣтушкѣ воротъ, крутя курносый носомъ,

Съ гримасою крещенской маски

Кикимора затѣлило чѣлкась

И тистить бережно свое копытко.

Та! приснулъ тонкій голосокъ, ха!

Ищи, ищи, а шапка вонъ на жердч.

Хи-хи! хи-хи!

А какъ спотъ збуранился,

Споткнувшись на гладкомъ мѣстѣ...

Влюбленнымъ напяля я желцъки.

Та! ха-ха-ха-ха!

Бабушкѣ я плюнула во уши,

А дѣду въ бороду пгелу пустила,

Аукнула-мяукнула Оде подъ пощѣлчи...

Я пьяницу завѣла кригашимъ сномъ

И оголила...

А, вонъ резина: вспугну я птиску!

Кикимора вся затряслась, заколебалась,

Отъ хохота за тощѣе животики схватилась.

Пѣчу! ты, проклятая! послышалось досадное ворганье.

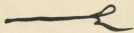
ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Ха! ха-ха-ха... ха! ха-ха-ха...

И только латки тонкія сверкнули

За поле, въ лѣсъ сплетать обмань,

Прицѣлы съятъ и го цюра хохотать.

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

БУБЫЛЯ.

Въ тѣсныхъ и низкихъ потолкахъ, глухихъ, какъ гроба,
 Хоронится сгорбленнѣи скорбью, навѣки безмолвнѣи Бубыля.
 Его темно-пушинныя взоры дневной свѣтъ мразить,
 И сѣдые гервы ползутъ, и плѣсень и всякія слизи
 Кишатъ вкругъ него и мутятся и падаютъ жилища.

Ни рчновенію свѣтлому, ни внезапному счастью,
 Ни четвѣ, ни надрѣанной грѣзѣ
 Не войти въ его сердце, прорѣвленное тщетность зешного
 Созанья.

Мгновенья рчшили желанья, крчшили члѣбки.
 Горечь и скорбь, нарастаѣ, какъ смерзь, Закипали
 И гибельно читались по знатвеннымъ рчщамъ.

Закривайте плотнѣе двери, не говорите громко о счастьѣ,
 Шапте лелѣиное слово, возлюбившее солнце,
 Расстагайте чдату, безъ оглядки живите полдневного жизнью!

Ужъ меркнутъ прозрачныя свѣтлы стѣнныя чловѣ.
 Мутныя тѣни столбаши ложатся.

Въ пополуѣ черно и злобще - безжалвно.

На пороѣ мизнуци стеклянно-холодныя блестящи...

Кто-то скользнуъ и мышью загрызся...

- О, забылъ я не взял, не чкралъ!...

Ты, тоска, соблазня родною, любимой чубкой,

Ты, тоска, схватила варту рѹки и жала...

Такъ больно... А смерти больно... лиѣ... —

Въ полночь онъ пробудились
Отъ долгаго сна и проклятія.
Въ полночь по свѣту полгались
Съ визгами, пѣніемъ, хохотомъ.
Ихъ зеленіе волосы въ тучахъ разсыпались,
Вытсы, нѣжатся къ мѣсяцу сонноцу.
Кто-то дернулъ за колоколь,..
Тѣхъ рвутся звуки чинилые...
Въ хороваго собрашевъ, взылись за рчки
И взлетаютъ, летятъ,
Кольялаз-иградъ серебрянно-снѣжныи грядяи.

Холотъ... рычаніе...

Вой ... тоскованіе...

Радость подбѣги, крики безумь,
Скорбь гробовал, пѣснь царей...

Идите, снѣшите!

Есть много забывшихъ
Крѣзь своей жизни замкнутъ.

Идете, врываитесь, губите!

Вамъ власти - именованье.

Поллица ищутъ, стаи зметутъ и четутъ, разрушаютъ.

Во тешницѣ разсвѣтъ голубой издывается.

Крестъ золотой погребень.

Слѣхоль засыпанъ, въ длинныя косы замотанъ.

Одежда проклятію сурвана съ блага тѣла

И брошена въ прорубь.

—

VI
И К Р Е Т А

Кто въ морозныя, лунныя нога такъ жалобно стонетъ?

Кто обвиваетъ съ деревьесъ инейъ энеццужный?

Кто цпоенвель и нбгой лветъ тихія лбсиа

И бблыя нога бблнть и слцццаетъ?

Вы, Женщины Лбса, вы, лблннцы Енова царства,

Вы, порожденве загадокъ Ошеля, съ губами подвижннцъ, —

Верхъ сладостраствъ, бездна томленья...

Зарцццте жъ, ласкайте клнгамн твбсагеструннхъ налбвова,

Колышьте волннствъ, ннвы волюсъ своихъ томннхъ,

Лелбйте мраморностъ лнковъ и сладкя грудцъ...

Но, оттого тоска безысходная,

Торевъ стбненнхъ норывова,

Звонъ опрокинутыхъ свадебныхъ гашъ?

Ты, цблтал цкнкою розой,

Роскошная, ясная,

Ты стоишь и нблнвошь?

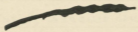
И рыданье грожитъ на цстахъ повлбцнбвшнхъ,

И влажно-озерные взоры потерянно бродятъ...

Тб твою ребенокъ, гдб плокъ Целовбвка?

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

Жука шибъ сердце щемитъ, надрываетъ.
Тешно-грѣтящій приѣвъ...
Одиночество страникъ....

VII

ЗАКЛЦНАНІЕ ВЪТРА.

Это ты, глупый, глупишь, вѣтеръ?
 Это ты, буйный, мечешь листья,
 Пляшешь, стонешь, воешь, колешь...
 Вѣтеръ, Бабушка жива!

Волны въ рѣкѣ ты взбурляешь,
 Ивы долу пригнеташь,
 Пылкой пылью воздуха топишь...
 Вѣтеръ, Бабушка жива!

Пешный вѣтеръ, или не слышишь:
 Не рыданье, не стenanье -
 Вкрутъ загло ликованье...
 Жизни, жизни нѣтъ конца!

Успокойся жъ, вѣтеръ зоркій,
 Утиши свой трепетъ звонкій.
 Я волнуюсь, мнѣ такъ жутко...
 Вѣтеръ, Бабушка жива!

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН
 VII
 ОШКА-МОСКА.

Сиреневая капелька-птичка рѣзала съ разсѣ-
 та въ зацѣтѣвшихъ латво-золотомъ воздѣхѣ, беззабот-
 но переговаривая свою незатѣливую пѣсенку.

Неугомонные толкачики толклись безцѣтали.
 Бѣловатныя, балованныя тѣчки, грѣшно брожив-
 шія по восхоуду, протянули полднемъ грѣхъ грѣхѣ пуховыя
 рѣзеньки, схватились и, дастаясь, прижимаясь, понеслись.

Напряженно-нѣжныя, бронзовыя сѣмерки вѣрцѣ
 зарыгали протяжно и глухо.

Душистыя капли цтали и затпадали быстро
 и шумно.

Это она шла и призывно тѣчила въ свой
 оленій рогъ, весна шла вслѣдъ нѣжному, разыгравшемуся
 стаду барашковъ, весна съ лицомъ бѣлой ноги, въ вѣнѣхъ
 бѣлыхъ цвѣткахъ лѣсныхъ ягодъ, увитаъ съ головы до ноги
 зѣбиннымъ и кровавымъ бархатомъ лишаево и лѣнно-
 -кружевной кисеей шовъ.

Ошка-Москва — Быхъ-га-корова — рѣзѣга

Дождикъ - дождикъ, перестань!

Мы подемъ въ Аристанъ:

Богу молиться,

Христу поклониться.

Выкрикивали ребяташки, при топтывая босыми ножками и вытягивая загорблыя ругенки подъ улыбающіяся дождевыя капли - цвѣты весенніе...

Я взобрался на высокій березъ-горч съ крутыя спускомъ къ затихающей рѣкѣ.

Сіяетъ солнце до боли яркое, горяге - жарное.

Въ воду сквозь тающую тучу врѣзается радуга - Бѣкъ, выгнанный на водопой послѣ цупорно-гол-зой злыи, пестрый Бѣкъ съ небесныхъ полей.

Внизу у двери покачнувшейся старой - престарой избушки, промокшей подъ половодьемъ, стоитъ, прислонившись, Водяной въ бѣлой рубахѣ, весь заросшій позелѣнѣвшей думевой бородой - грозный Вася, препоясанный серебряными кольцами, - стоитъ и не спускаетъ глаза съ юрко-шныряющей черной лодки, гдѣ усѣлись два Лѣсныхъ Человѣка съ выворогенными платками.

- Бѣлый! звонко закричалъ одинъ изъ нихъ, и надъ теломъ-бронзовою, взрагивающей его спиной взвивается серебристая, трепещущая рыба.

- Червей подложи! ворливо оретъ другой.

- Черный! снова раздается звонкій окрикъ.

Вдоль острова, выглядывающего крестиками затопленных елей, улетает-мелькает лодка, тёмно переполненная женщинами в бѣлых, раздуваемых платках, а множество взмахивающих весель блещут-играют, тожь-вь-тожь забрызганные крылья гакъ.

Что это: и жалобный крикъ-окликъ и взрывчатый хохотъ и притягивающая, топогушая воркотня-пѣсня?

Это - безутѣшные гайки, одинокиа ищутъ-летаютъ, это - плаги Женщины Пѣса, стоны Пѣлезницы, вздохи Бѣбыи, это - гѣти на перегонки бѣгутъ по мягко-зеленой тропкѣ въ опаловыхъ росинкахъ, это - гѣти ползутъ и летятъ мимо меня кодь откосъ къ голубой-голубой, тихой рѣкѣ, это - бабожки, жуки, гусеницы, муравьи, пчелы въ цвѣткестомъ нарядѣ, въ тонкихъ, заревыхъ шелкахъ, въ шумѣ энужжань, стрекотки и птичьего лепета.

Сѣя-то шатка бѣлтыхнцалась въ воду.

И! какой галъ, сколько вздерошенныхъ головокъ, плесковъ, хрустальныхъ брызгъ, мгновенныхъ слезинокъ...

Ха! ха-ха-ха... ха! ха-ха-ха... Заливается Кичиора.

А вотъ и лохнатый Лѣшакъ съ еловыми

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

лицомъ кавыляетъ.

- Здорово! И ты пришел, то-то; по зыбь и вбѣкъ не заглянешь, то-то! улыляется она, сжимая ладную руку смолистой рукой, и спускается внизъ къ Водяному.

Рѣка - небо безбрежно чистое - и плыветъ и покоемъ.

Уйдутъ забытыя тучки, не успѣвшія разсыпаться по землѣ свои дождевики-лепестки, спадетъ дневная теплыня, и она зачуеться, и скользящія лодки - остроносые, герныя рыбы - станутъ оставлять синеватыя слѣды, какъ бы движеніемъ своимъ снимая зыбь, румяныя слѣвки.

А край неба и восходъ покрываются ало-пурпурной, шелковистой тканью и дудутъ рѣбѣтъ, пока не дыхнетъ безъ сучрака ногъ, и не зарѣбитъ голубой островокъ зеркальной воды, - тогда заходъ сольется съ восходомъ въ дымящемъ, зыбломъ пурпурѣ, и по всему небу раскинутся, разбредутся малиново-золотистыя лужи, и гервно-золотое солнце выгянетъ на свѣтъ Божій...

Указ, герная лодка Юрко шныряетъ впередъ и впередъ, Лѣсные Люди наклонились на бортъ и тащутъ огромную чюгку съ полѣномъ вѣвсто полдѣвка.

Изъ избушки высунула Бабушка сучоватое

ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН

лицо и скалитъ отъ солнца свои острые зубы.

А дѣти все бѣгутъ одинъ за другимъ, одинъ за другимъ и машутъ руженками и кричатъ и дерутся.

- Бѣгай ты, башмаковъ издерешь, на негѣлю не хватитъ! Ворзится она на рыжеватую дѣвчушку съ рѣчными глазенками и звонко-звонко хохочущими, тонкими зубками.

И я стою на высокомъ берегу среди пестрой, болтающей мелкооты, гдѣюсь и дышу - не отдышусь отъ зимнихъ невзгодъ, отъ людскихъ злобъ, подтопившихъ сердце мнѣ...

Дѣти, милая вы моя!

И вотъ-вотъ взобьются и у меня крылья и я полечу высоко къ радугѣ - Быку небесныхъ полей, ненаебитно хлебавшему рѣчную, ступенную воду, и я полечу...

Алекси Релизовъ.

(Херсонъ, гостиница Лонданская)